МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

Сборник статей
XXIII Международной научной конференции
21–24 октября 2012 г.

Отв. ред. С.К. Гураль

Томск
2013

Оценить степень эффективности проектной деятельности исследовательского типа с информационным модулем, увидеть ее специфику нам помог опыт организации исследовательской работы со студентами ИФ ТГУ. Речь пойдет о проектах-исследованиях, выполненных в течение семестра одним или группой студентов и представленных на английском языке на студенческой конференции «Вторая мировая война глазами поколения XXI века» в 2009 г. Инициаторами и координаторами данного многоцелевого проекта выступили преподаватели кафедры иностранных языков ФИЯ ТГУ. Проект планировался с учетом основных особенностей проектной деятельности и интегрировал разные компетенции, включая сбор информации и её анализ, исследования по исторической тематике, языковой специальности, навыки критического мышления и навыки устной презентации. Цель проекта была выбрана с учетом специфики исторического факультета. Основная часть работы над проектом выполнялась во внеурочное время. На первом этапе работы над проектом студенты второго курса ИФ ТГУ встречались с ветеранами ВОВ, изучали историю своих семей и собирали информацию о родственниках-ветеранах, о героях войны и работали с архивными документами. Вторым этапом работы была обработка собранной информации и перевод этой информации на английский язык. Студенты использовали современные технические средства: программу Power Point, ресурсы Internet, музыкальное сопровождение. На третьем этапе студенты представили свои проекты на занятиях английского языка, тем самым получив возможность развить весь комплекс навыков и умений публичного выступления. Кульминационным этапом работы над проектами стала конференция, которая состоялась в конце учебного года. Проекты, представленные на конференции, были разноплановыми. например, студенткой 2-го курса Оюк Чыжырганой была сделана оригинальная презентация-проект об участии тувинского народа в ВОВ, В. Харитонова собрала очень интересный материал о своём дедушке, который прошёл всю войну, Д. Котлякова и Д. Гвоздева представили проект о неизвестных фактах из жизни советских разведчиков во время войны.

В обучении языкам большое внимание уделяется развитию навыков в межкультурной компетенции. Поэтому в содержание данного проекта было заложено общение с представителем другого социума. На конференцию был приглашен специалист по преподаванию английского языка посольства США в Москве Тодд Видамур. Между Тодом и студентами завязалась живая дискуссия по данной тематике, что и стало завершающим этапом проекта.

Результаты анкетирования, проведённого среди студентов после конференции, показали, что опрашиваемые студенты высоко оценили подготовку участников конференции, эффективность современных технологий, качество звукового сопровождения, актуальность тематики и отметили, что особым стимулом для них было общение с представителем другого социума.

Проект можно назвать удачным, поскольку были выполнены все поставленные цели и задачи, а именно поиск и изучение соответствующих документов, практическое развитие навыков работы с большими объёмами информации на иностранном языке, использованием современных технологий и возможность включить студентов в активный диалог культур, что позволило реализовать все преимущества проектной деятельности для развития релевантных компетенций.

Литература

1. Полат Е.С. Метод проектов на уроках иностранного языка // Иностранные языки в школе. 2000. № 2, 3.
2. Полат Е.С., Бухаркина М.Ю., Моисеева М.В., Петров А.Е. Новые поедагогические и информационные технологии в системе образования : учеб. пособие / под ред. Е.С. Полат. М. : Академия, 1999.
3. Полат Е.С. Современная гимназия: взгляд теоретика и практика. М., 2000.

Е.Н. Шилина

Томский государственный университет

ОСНОВЫ МЕТОДОЛОГИИ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Методики лингвокультурологии обычно ориентированы на текст в самом широком смысле этого слова, из которого и вычитывается требуемая информация. Известный специалист по общему языкознанию, глава курской научной школы лингвофольклористики профессор Хроленко А.Т. предложил методику, ориентированную не на текст, а на гипертекст, создаваемый в рамках лексикографического подхода.

Лексикографический подход органически соединяет интерес к каждому отдельному слову, входящему в состав словаря. В результате лексикографическое описание дает своеобразный гипертекст – многомерную сеть, в которой каждая точка или узел (слово или словосочетание) самостоятельно увязывается с любой другой точкой или узлом. «Сеть» гипертекста в лексикографическом описании обеспечивает возможность гарантированно «уловить» культурные смыслы, аккумулированные в языке. Связи слова, по мнению Хроленко А.Т., и составляют те «узелки памяти», которые удерживают информацию об особенностях этнического мировидения, миропонимания и мироупорядочения. Связи слова по степени устойчивости распадаются на постоянные и эпизодические. Постоянные характеризуют «каркас» мировидения, эпизодические – точки развития (точки бифуркации) миропонимания [1]. Если сопоставить валентность русского слова с валентностью иноязычного эквивалента этого слова, то очевидным становится национальное своеобразие семантического содержания каждого из двух сопоставляемых слов.

В основу методологии лингвокультурологии может лечь разработанная курскими учеными на базе фольклорных текстов и апробированная на нефольклорном материале система методик, включающая в себя: 1) доминантный анализ; 2) кластерный анализ; 3) методику сжатия конкорданса; 4) аппликацию полученных в результате сжатия конкордансов словарных статей.

Доминантный анализ. Методика доминантного анализа предполагает наличие частотных словарей, представляющих текст или корпус текстов, и основывается на предположении, что среди наиболее частотных лексем присутствуют слова, обозначающие доминанты языковой картины этноса, социальной группы и индивида. Выявление, изучение и описание наиболее частотных знаменательных слов в аспекте языковой картины мира – это и есть доминантный анализ.

Одни доминанты в двух сравниваемых списках (в нашем случае это частотные списки русских и английских песен) могут иметь соответствия (например, концепт экзистенции «быть» и глаголы быть и to be, концепт движения – идти и to go, концепт говорения – сказать и to say и т.д.). Другие доминанты списка соответствий не имеют, и тогда мы вправе полагать, что это неслучайно и перед нами этнически маркированная доминанта. Так, в частотном словаре русской народной лирики среди наименований доминант мы найдем существительное друг. В частотном словаре английских народных песен соответствующее существительное friend к числу доминант не относится. Это обстоятельство служит дополнительным и весьма доказательным аргументом в пользу уже отмеченного лингвистами факта, что в русской ментальности «друг» занимает особое место. 285 словоупотреблений слова друг в русских народных песнях и 27 словоупотреблений friend – такой диспаритет случайным быть не может и заставляет искать причины несоответствия. Наши наблюдения совпадают с наблюдениями А. Вежбицкой, специально исследовавшей модели «дружбы» в русской, английской, польской и австралийской культурах [2].

Если в русских песнях шелковый отмечено 72 раза, а соответствующее английское прилагательное silk – только 5 раз, то уже можно размышлять об этнических предпочтениях, равно как и о резком различии в частотности русской вдовы (77 словоупотреблений) и соответственно английской widow (4 словоупотребления). Если списки первых ста самых частотных слов в русском и английском фольклоре дифференцировать по частеречному признаку (существительное, прилагательное, числительные, глаголы и наречия) и последовательно сопоставить, то сразу же отмечается несовпадение частотных списков по удельному весу пяти частей речи. Самые большие различия в удельном весе обнаруживаются у существительных (50 и 29), глаголов (24 и 37) и наречий (6 и 17). Очевидно, в русской народной лирике доминирует предметный мир, а в английской – деятельностный.

Сравним названия людей. Совпадают три концепта – «отец», «мать», «дочь» - основные персонажи народной лирики. В значительной степени близки концепты, реализуемые лексемами молодец и boy, девица, девушка, девка и girl, maid. Множеству русской картины мира (люди) противостоит единичность английской (man). Остальные частотно упоминаемые персонажи лирических песен этнически дифференцированы. У русских доминантны термины родства, именующие представителей противопоставленных семей, - «своя» (жена, муж) и «чужая» (свекор, свекровь). В английской лирике часто упоминается концепт «сын» (son). Частотны английские термины социальной иерархии – Sir, Lady, Lord, а также лексема sailor ‘моряк’, наличие и частое использование которой в английском фольклоре вполне объяснимо.

Предметный (и в силу этого статичный) характер русской картины мира предопределяет более широкий круг поэтических топосов – мест лирических событий (17 против 6). При этом заметим, что совпал только один топос – «море».

В английской картине мира упоминание времени существенно, и в состав доминант вошло несколько лексем с видовым значением (day, morning, night), а также родовой термин time. В русской картине мира доминируют ночь и заря.

Обе этнические картины мира в списке частотных абстрактных понятий совпадают только в концепте «радость». Для русской ментальности существенны концепты, называемые словами воля и душа, которые давно уже попали в поле зрения авторов, пишущих о своеобразии мировидения русских. Доминирование концепта «горе» – антитезы «радости» – можно интерпретировать как проявление тенденции к крайности, свойственной русскому характеру.

Доминанта слово отражает фундаментальную черту русской культуры – ее словоцентрический характер. Культурологи, объясняя национальный феномен этноса, отмечают: для русских слово выше дела, неслучайно создание великой литературы с ее золотым и серебряным веками, очевидны литературные истоки шедевров русской музыки, а также любовно-почтительное отношение к книге. Сопоставительный анализ слово/word – интереснейшая задача последующего лингвокультуроведческого исследования.

Доминантный анализ эффективен в рамках сопоставительного метода. Цель его – наметить план дальнейших поисков и привлечения других исследовательских методов, методик и приемов. Например, кластерного анализа, в основе которого лежит представление о структуре картины мира.

Кластерный анализ. Каждый фрагмент эпической или лирической картины мира репрезентируется определенной совокупностью лексем различной частеречной принадлежности. Этот набор обозначается термином кластер, т.е. сегмент некоего информационного поля. Кластерный анализ в нашем представлении – это лексикографическое описание всех входящих в кластер лексем с параллельным установлением всех связей каждого слова с остальными словами, представляющими один и тот же фрагмент фольклорной картины мира.

В Новой Иллюстрированной Энциклопедии кластер (англ. Cluster – гроздь, скопление) толкуется как ‘скопление однотипных объектов (например, звездное скопление, атомный кластер)’ [3. С. 8].

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» [4] специальной словарной статьи нет, однако сам термин дважды использован. Как следует из контекста, кластером называют группу согласных в начале слова, а также сочетания неслогообразующих фонем. Различают простые фонемы и кластеры фонем типа ph, pw, tsh, mn, kl и др. Как можно понять, кластеры – это части звуковой оболочки слов [4. С. 53, 209].

Толкование лингвистического термина кластер мы обнаруживаем в словаре Н.Г. Комлева: ‘линг. последовательность, цепочка языковых элементов, которыми могут быть звуки (вокальный кластер) или части речи (глагольный кластер), группы диалектов или языков, имеющих ряд общих черт как результат взаимного географического сближения’ [5. С. 57].

Логичен вопрос, чем понятие «кластер» отличается от понятия «поле» (поля семантического, морфологического, ассоциативного, грамматического или синтагматического), а также от понятий «группа» и «парадигма». Поле в любой версии – это «совокупность» языковых (гл. обр. лексических) единиц, объединенных общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [4. С. 380]. Принципиальное отличие видится в том, что поле (группа, парадигма) – проявление системного характера языка, а кластер – сегмент некоего информационного пространства (например, текста), вычленяемый на том или ином основании.

Термин кластер достаточно удобен в лингвофольклористических исследованиях и в лексикографическом описании фольклорной лексики. Под этим термином в данном случае понимается совокупность слов различной частеречной принадлежности, семантически и /или функционально связанных между собой, которые служат для репрезентации того или иного фрагмента картины мира. Например, в кластер «Орнитонимы» войдут не только обобщенные и конкретные наименования пернатых (птица, орел, кукушка и др.), но и прилагательные, образованные от орнитонимов (птичий, орлиный) или характеризующие птиц (клевучий), наречия (по-соловьему), глаголы, называющие характерные для птиц действия (ворковать, попурхивать, склевать) и т.д.

Кластерный принцип описания – это лексикографическое описание всех входящих в кластер слов с одновременным установлением актуальных связей каждой лексемы с другими словами, представляющими один фрагмент картины мира. За словами, объединенными в кластер, стоят культурные концепты. Если в кластере больше одного концепта, в нем можно выделить субкластеры. Исследовательская ценность кластеров заключается в том, что их можно сравнивать.

Кластер «цвет», например, дает возможность увидеть специфику отношения русского этноса к цвету. Русский фольклорный менталитет за цветом видит мысли, а потому цветообозначение приобретает статус сущностной характеристики. Лошади именуются воронками, буланками, саврасками и бурками.

Эвристические возможности кластерного анализа заметили на уровне перевода дискурса на другой язык. Возьмем для примера «The Song of Hiawatha» («Песнь о Гайавате» Г. Лонгфелло) и его бунинский перевод, единодушно признаваемый вершиной переводческого искусства. Ограничимся кластером «Небо», объединяющим концепты объектов и явлений, известных всем людям Земли без исключения (небо, солнце, луна, звезды, восход, закат и т.д.). Сразу же отметим количественное несовпадение кластеров подлинника и перевода. У Лонгфелло «небо» представлено 20-ю лексемами, у Бунина их 34. Отличие обусловлено как словарным составом языка (луна и месяц в русском и только moon в английском), так и своеобразием русской языковой картины мира. По-разному в текстах представлено само небо. У Лонгфелло присутствует название этого феномена – sky (30), heavens (40) и единично устаревшее ether (1). У Бунина к именам небеса (15) и небо (53) прибавляются номинации в форме словосочетаний типа бездна неба (1), глубь небес (1), простор небес (1), свод неба (2), свод небес (1), свод небесный (1). Эти «параметрические» номинаты заставляют думать, что в русской картине мира небо – это не просто некое пространство над землей, а глубокий космос, бездонный, просторный, устройством своим – свод – похожий на храм.

По-разному определяется прилагательными небо в подлиннике и переводе. У Лонгфелло небо – широкое, безоблачное, расколотое, восточное, западное, у Бунина – красное, синее, темное, оно сияет голубой бездной. Цветовая оценка явлений сверхъестественных, мистических, загадочных – давно уже отмеченное свойство русского мировидения [6].

Концепт «солнце» в переводе упоминается чаще, чем в оригинале (51 против 28). Лексемы sun / солнце только дважды определены одинаково – великое и ночное. Солнце у Лонгфелло теплое, горячее, красное; для Бунина оно яркое, светлое, гаснущее, вешнее. В переводе солнце согревает, пригревает, светит жарко, а в подлиннике мы встретим только to warm.

Практически во всех случаях, когда Лонгфелло употребляет слово morning утро, в переводе находим лексему рассвет. Даже выражение all night Бунин переводит как до рассвета. Пять раз встретилось в переводе слово зарево, хотя в оригинале соответствующего ему слова glow нет вовсе.

Правомерно заключение, что языковые картины в подлиннике и переводе различаются по причине различий в этническом художественном мировидении, национальных языковых картинах мира и в поэтическом взгляде на мир двух мастеров слова.

Методика аппликации словарных статей

Четкая и единообразная структура каждой словарной статьи обеспечивает корректное сопоставление лексем (и концептов, стоящих за ними) методом наложения, своеобразной аппликации словарных статей. Эта методика дает надежный материал для теоретических размышлений об инвариантном и специфическом в слове. Сопоставление возможно на уровне отдельных лексем, а также на уровне совокупностей слов, будь то лексико-семантическая группа (кластер), лексико-грамматическая группа (часть речи) или целые лексиконы, реализованные в описываемых текстах. Сопоставление становится операционной процедурой с высокой степенью надежности и доказательности. Методика аппликаций словарных статей, составленных на материале различных фольклорных текстов, - уникальный способ выявления и представления этнической ментальности.

Так, сравнивая словарные статьи «Река» и «River», видим различие мировидения двух народов. Река в английской лирике характеризуется визуально по качеству ее воды – чистота, прозрачность, кристальность – clear, crystal.

Русская река в отличие от английской, очень часто является субъектом действия: бежит, течет, протекает, плывет, шумит-гремит, разливается и т.д. Русская лирическая песня акцентирует внимание на движение воды в реке, причем движение быстрое, даже в условиях почти повсеместной равнинности.

Река в фольклорных произведениях – источник исторической памяти народа, поэтому в отличие от безымянных английских лирических рек русские фольклорные реки и в лирике, не говоря уже об эпике, имеют имена – Дунай, Волга, Нева, Ердан, Казанка; есть и наименования, ставшие сугубо фольклорными, – Небрага, Перебрага, Невага (от Нева?).

Два этнических взгляда на лицо человека различаются точкой фокусировки внимания и характером периферийного зрения. Лицо человека видят оба этноса и представляют его среднечастотными лексемами face и лицо. Различие видится в том, что английское face используется функционально: лицо как способ передачи информации, русское лицо (обычно белое – предельно положительная коннотация) – экран эмоциональной жизни, сигнал красоты, т.е. оно портретно в полном смысле этого слова. У каждого этноса своя «точка красоты». У англичан это щеки и губы, а потому лексемы lips и cheek весьма частотны и обладают широкой дистрибуцией, определяются эпитетами и сравнительными оборотами. Для русских эта «точка» – брови и глаза. Универсальная формула русской мужской и женской красоты – «брови черна соболя, глаза ясна сокола».

Таким образом, этнический аспект народно-песенной лексики видится в наличии национально специфичного угла зрения на целый фрагмент фольклорной картины мира; в специфике концептуализации, т.е. в наличии/отсутствии тех или иных концептов в аналогичных фрагментах фольклорной картины мира (отсутствие в русской народной песне дрозда и жаворонка или подбородка, в английской песне воробья, галки, иволги, павы, сокола, щегла, ястреба, а также бровей на лице); в степени частотности упоминания о тех или иных концептах; в своеобразии концептуализации одного и того же объекта; в особенностях семантической структуры фольклорного слова; в символизации концептов и, как следствие, актуализации в семантической структуре слова соответствующего элемента (утка в русском фольклоре, символизирующая мистические силы, фатальную предопределенность); в конкретной коннотации фольклорных лексем (так, green «зеленый» обнаруживает со-значение «праздничный, торжественный, нарядный, ожидающий радости, выделенный из обыденного состояния»); в различии (возможно контрастном) коннотации имен, реализующих один и тот же концепт (так, cuckoo – яркий мажорный образ в мужской и женской ипостаси и кукушка – знак тревоги и жалости); в характере синтагматических связей фольклорных лексем. Отсюда этнически своеобразные совокупности так называемых постоянных эпитетов.

В настоящее время перед лингвокультуроведением и всеми его конкретными дисциплинами, устанавливающими и описывающими связи между языком и культурой, остро стоит вопрос о методологии научного поиска, разработки системы методов, методик и приемов, адекватных глубине и деликатности связей между словом и культурным смыслом. Лингвокультурология нуждается в методиках системных, универсальных, не зависимых от эмпирики, оперирующих большим массивом фактов, способных обобщить фактуру и органичиться массивом фактов, способных обобщить фактуру и органически совмещать содержательный анализ с квантитативным. Одним словом, требуется система методик взаимозависимых и взаимодополняющих. Сами методы нуждаются в детальной эксплицитной оценке и переоценке.

Литература

1. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии. М., 2009.
2. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с анг. М., 2001.
3. НИЭ 2001 – Новая иллюстрированная энциклопедия. Кн. 11: Ма-мо. М., 2001.
4. ЛЭС 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
5. Комлев Н.Г. Словарь новых иностранных слов. М. : Изд-во МГУ, 1995.
6. Хроленко А.Т. Лингвокультуроведение. Курск, 2000.

Т.В. Шилова, О.А. Обдалова

Томский государственный университет

РАЗРАБОТКА ЭЛЕКТРОННЫХ ТЕСТОВ ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ВИРТУАЛЬНОЙ ОБУЧАЮЩЕЙ СРЕДЕ MOODLE

Начавшаяся в России реформа в системе высшего профессионального образования привела к введению двухуровневой системы высшего образования (бакалавриат–магистратура) в соответствии с направлениями Болонской декларации [1]. Переход на двухуровневую систему образования и новые образовательные парадигмы, связанные с трансформацией общества в глобальное информационное, подразумевает новый подход к организации учебного процесса, который связан с рядом трудностей, возникающих в связи с кардинальными отличиями новой системы высшего образования от той системы, которая существовала в России до недавнего времени. В связи с этим возникает необходимость пересмотреть процесс обучения в целом и соответственно процесс преподавания иностранного языка в высшей профессиональной школе. Новые учебные программы по подготовке бакалавров неязыковых специальностей не предусматривают большого количества аудиторных часов на дисциплину «Иностранный язык», напротив, большая роль в них отводится самостоятельной работе обучающихся в аудиторное и внеаудиторное время. Тем не менее, роль иностранного языка в современном обществе растет, и владение им является неотъемлемой частью профессиональной подготовки специалистов согласно положениям, зафиксированным в современных документах по модернизации высшего профессионального образования [2].